

Нурмурат Сарыханов

Перевод с туркменского: Александр Иванович Аборский

КНИГА

новелла

1

...И скажете еще. Я вам из этой области такую историю могу рассказать!

По заданию института литературы я ездил по районам, разыскивая старинные рукописи и книги. Судьба забросила меня в глубь Кара-Кумов, в небольшой скотоводческий аул, лежащий в низине среди песков.

Жители аула, как водится, заинтересовались: откуда я, кто такой, зачем приехал? Я рассказал о цели моего приезда. Председатель колхоза, у которого я остановился, сообщил, что у его соседа, старого Вельмурат-ага, есть именно такая книга, какая мне нужна.

— Редкая вещь! Все её хвалят. Я сам слышал, как её читали. «Она должна храниться в золотом сундуке», — говорит Вельмурат-ага. А как она досталась ему, какие испытания он перенёс из-за неё! Любой вам здесь расскажет, как Вельмурат-ага покупат книгу. Только должен вас предупредить, — закончил председатель, — старик трясётся над ней и никому ни за что её не отдаст.

Что это за книга, я так и не понял из слов председателя. Я мог заключить лишь о большой привязанности старика к «редкой вещи», которой он владел. По опыту мне было известно, что всякий человек в ауле дорожит книгами, и даже неграмотные не хотят расставаться с ними. Сами не читаем, говорят, сыновья вырастут — прочтут.

Я отправился к владельцу драгоценной книги. Он оказался дома. Это был крупный пожилой мужчина, вернее, старик, с гладко выщипанным подбородком и красивой бородой, закрывавшей ему всю грудь. Он выглядел благообразно, встретил меня приветливо, только посмотрел внимательно, как я усаживаюсь, и всё прислушивался к моему выговору.

— Садись, добрый юноша, ближе к очагу, — пригласил он. И, едва я расположился на кошме, начал задавать вопросы:

— Откуда к нам пожаловал?

Я ответил. Старик проявил интерес к моей поездке и заметил, что сам в Ашхабаде не бывал.

— Из каких мест родом? Где твоё племя, где родители, чем занимаешься?

Изложив коротко свою биографию, я сказал, что послан научным учреждением искать в аулах старинные книги.

— Очень хорошо, юноша!

Старик погладил свою огромную бороду и опять пристально стал рассматривать меня, будто что-то хотел прочесть на моём лице. Взгляд у него был острый, как у степного охотника. Наконец он повернулся к жене, которая то и дело хлопотливо выбегала из кибитки и опять появлялась перед нами.

— Давай-ка сюда нашу книгу! — сказал он.

Не проронив ни звука, жена его подошла к ковровому чувалу, висевшему на решётчатой стене кибитки, запустила глубоко в него руку и достала большой свёрток в шёлковом платке, а из него бережно вытащила книгу. Она подала её мужу торжественно, точно это была святыня. Старик опять испытующе осмотрел меня с ног до головы и заговорил.

— Если ты правильно назвал мне своё занятие, — начал он, — ты сразу оценишь, что это за вещь. И я узнаю тебя по тому, как ты её оценишь. Вот она вся тут — бери, смотри. — Он

вручил мне книгу и прибавил, заметно волнуясь: — Скажи теперь, видел ли ты другую, подобную этой? Она — такая... Гляди, какая она... Она... любой слово в ней стоит верблюдицы с верблюжонком.

Толстая, увесистая книга была переплетена в полинявший ситец со следами пунцовых цветов. Каждая страница заключала в себе десятка два строк вишнево-красной арабской вязи. Рукопись оказалась разборчивой. Видно, писец трудился усердно и отлично знал своё ремесло. Буквы были уложены ровно, как зерно к зерну. Сразу бросалось в глаза, что книгу много читали. Края листов обтрепались, на нижних углах темнели жирные следы пальцев. Не один десяток лет водили по этим строкам пальцами, и читателей была не одна сотня.

Я живо перелистал рукопись, кое-что успел бегло прочитать. Это было как раз то, из-за чего люди моей профессии не спят ночей, кочуют из аула в аул, стучатся в тысячи дверей, — то, что так трудно бывает отыскать. Я мог пройти ещё сколько угодно аулов, кибиток и не встретить ничего, что было бы мне так дорого, как этот сборник. Первое, что я постарался сделать, это, по возможности, скрыть от моего собеседника охватившее меня ликование. Но скоро стало ясно, что Вельмурат-ага хорошо знает цену своему сокровищу и не хочет этого таить. Недаром он сказал: «Любое слово в ней стоит верблюдицы с верблюжонком. Другой подобной книги не сыскать». Чтобы проверить старика, я стал читать из рукописи отдельные места вслух. И тут получилось так: я прочитаю десять строк, а старик по памяти добавит сто строк, я начну какое-нибудь стихотворение, а он прочитает его до конца. Потом скажет:

— Теперь веришь, юноша, что я не вру, — эта книга должна храниться в золотом сундуке?

Увлечшись, он нараспев прочёл мне стихотворение, видимо, одно из самых любимившихся ему во всём сборнике.

— Каково, а? — в возбуждении восклицал он. — Чем больше читаешь, тем больше захватывает. Попробуй теперь скажи, что тут каждое слово не стоит верблюдицы?

Всё это было верно, и я не возражал. Я думал только, как бы завладеть книгой, которую держал в руках. Этого надо было добиться любыми средствами. Где мне взять столько верблюдиц с верблюжатами, чтобы оплатить ими за каждое слово? Да и как скажешь старику: «Продай книгу!»? Вот он продолжает превозносить свою драгоценность до седьмого неба. И жена-то его, оказывается, без ума от книги. И жители аула не согласятся, чтобы редкая вещь перешла в чужие руки. Старик не оставлял у меня и тени надежды. Я слушал его и перебирал в памяти все покупки ценных книг, сделанные мной в других местах. Порой ими очень дорожили, но такой привязанности к своей книге я ещё ни у кого не встречал. Право, я и не видел таких людей. Старик ничего не хочет слушать, славит и славит свою книгу. Тогда я сделал вид, что не очень заинтересован находкой, и завёл речь о другом. Спросил о животноводческой ферме. Спросил, верно ли, будто их аул собирается откочевать на Аму-Дарью и там перейти на оседлое земледелие. Старик ответил про ферму и опять вернулся к книге. Сказал, что её берут читать и родственники и друзья, и все её очень хвалят. Он очень горд, что владеет ею, и никогда не расстанется со своим сокровищем.

Я встал, распрощался и ушёл.

Вернувшись к председателю колхоза, я признался, что у меня ничего не вышло.

— Как подойти к этому человеку? — спросил я. — Он положительно мне не под силу. Боюсь, что старик не только не продаст, не позволит даже переписать рукопись.

Председатель не сообщил мне ничего утешительного.

— Никто из нас, — сказал он, — по осмелится сказать ему: «Продай книгу». Если она так необходима вам, ищите способ сами, как подойти к Вельмурат-ага. Но я говорил вам — дело трудное.

Я не собирался оставлять старика в покое и вечером снова наведаясь к нему. Он опять встретил меня ласково.

— Садись, добрый юноша. Садись ближе к очагу. Я ведь знаю, кто увидит эту вещь, тот со мной не скоро расстанется. Не ты первый, не ты последний.

Старик потянулся рукою к ковровому чувалу и, вытащив тот же шёлковый платок, извлёк из него книгу.

— Читай, коли охота. Теперь поверил, что каждое слово стоит...

— Да, вы правы! Вполне правы, — перебил я и стал, как бы нехотя, перекидывать листы книги. Надо было осторожно намекнуть старику о моём намерении.

— Вельмурат-ага! — нерешительно начал я.

— Что?

— Давно она в ваших руках?

— Сорок лет.

— Сорок лет?

— Да, сынок.

— Вот почему вы и помните некоторые места наизусть! Теперь ясно.

— Не только некоторые места, — поправил хозяин, — помню всё до единого слова. Могу, не глядя, от первого листа до последнего передать по порядку все песни, какие тут есть. Слова этих песен запечатлены в моём сердце.

— Замечательно! — воскликнул я. — Значит, теперь сама рукопись вам не нужна.

Старик вскинул на меня быстрый и острый взгляд. Он понял, чего я хочу, и как бы спрашивал и в то же время укорял меня глазами: «Такова-то твоя цель? Вот зачем ты пришёл в мой дом! Говори сразу!»

Смущённый, я выпалил единым духом:

— Что хотите берите, только уступите её мне! Продайте!

Старик точно преобразился. Глаза у него странно расширились, борода взъерошилась и стала как будто ещё больше. И жена его вздрогнула, присела, потом схватилась обеими руками за вороник платья и застыла, как каменная. Мне показалось, что от моих слов и кибитка-то содрогнулась и бурдюки колыхнулись на стене, и даже затряслись прутья и верёвки, свисавшие с потолка. Я сидел в смятении, не дыша. Старик наконец пришёл в себя, вырвал у меня из рук книгу и подал жене.

— Убери на место! — строго сказал он.

Хорошо, что он тотчас же не выпроводил меня из дома. Я бы не удивился этому.

— Добрый юноша, — чуть слышно произнёс он после долгого раздумья. — Разве мы с женой не говорили, что книга эта не выйдет из наших рук? Хоть иные и болтают, что нет на свете вещей непродажных, я так не думаю. Как гостю от души скажу ещё раз: книгу не проси. Мы легко поймём друг друга. Чтобы книга стала твоей, ты должен заручиться моим согласием. Ведь так?

— Конечно, так! — воскликнул я. — А как же иначе?

— Ну, а моего согласия не будет.

И, как будто не замечая моего убитого вида, он продолжал:

— Если я соглашусь, то сын мой и жена моя всё равно не отдадут книгу. Если они уступят, то аул её не отдаст ни за какие блага. Нет и нет! Мы не расстанемся с нею. Даже во время голода, когда у нас в доме не было сухой лепёшки и было не до чтения, — и то нам не приходило в голову, чтобы её продать. А ныне? Да чего зря бросать слова на ветер? Кто своими глазами видел эту вещь, тому понятна её цена. А если бы ты знал, как она нам досталась, ты никогда не просил бы её.

Помолчав две-три минуты, он тихо, как бы про себя, продолжал:

— Может быть, рассказать тебе, как она у нас появилась?.. Я не люблю говорить о том памятном случае, не хочу в поговорку попасть. И без того только и слышишь: «Как Вельмурат книгу покупал!», «Подобно Вельмурату с его книгой!»

— Расскажите, Вельмурат-ага! Расскажите сейчас! — сказал я, не скрывая своего интереса. — Хочу знать всю историю книги. Жду вашего рассказа с нетерпением.

— Что ж, быть тому! — Вельмурат ударил ладонью по кошке, поднял голову и выпятил грудь. Он припоминал давно прошедшее и приводил в порядок свои мысли.

— Слушай, юноша, — начал он. Мне шестьдесят пять лет. Если ты хочешь всё знать, то готовься слушать о том, что было сорок лет назад. Нынешней осенью исполнилось сорок лет, как я владею книгой. Тот год, когда я приобрёл её, назывался годом холода.

Не смотри, что теперь я раздобрел, в шубу не влезаю — я природный чопан, с малых лет жил в песках, за баранами ходил. Конечно, я и понятия не имел, что такое книга. Слышал, бывают на свете книги, но сам не видал их.

А дело было так. Обзавёлся я семьёй, кибиткой; потом нажил верблюдицу, — она оказалась лучшей породы и к тому же стельной. Поскольку я стал в ряд с людьми, решил запасти себе зерна на зиму и собрался с этой целью ехать в Аркач [местность в южной части Туркмении, предгорье Копет-Дага]. Нагрузил шерсти, нажёг угля из саксаула и поехал. Знакомых в Аркаче не было, я остановился у человека, который купил у меня шерсть и уголь. Это был богатый человек. Я остался у него ночевать. Перед вечером в дом стал собираться народ, старые и молодые мужчины из того аула. Я сразу отличил среди прочих одного человека, — он был одет нарядно, борода у него была лопатой, лицо красное и жирное.

— Господин мулла, — обратились к этому человеку люди, — почтенный мулла, почитайте нам, сделайте милость.

И подали ему эту книгу. А мулла упрямылся.

— Неразумные! — ворчал он. — Книга эта написана безумным шахиром, поправшим свою веру. Он набрался где-то суетных мыслей и через свою книгу проповедует злобу и порок. Такое можно читать один раз в год, не чаще, чтобы не заразиться. Я лучше прочту вам другое, — и он вытащил из-под халата книжку, принесённую с собой.

Но собравшиеся оказались упрямее муллы. Кто-то посулил ему подарок, и он уступил. Он высоко поднял голос и пошёл и пошёл по страницам. О-о! Он читал до полуночи и дальше, — как только язык успевал поворачиваться. Я слушал, слушал... Меня изумила книга. Я забыл обо всём, пытаюсь сообразить, как всё это происходит? Сидит человек, смотрит на бумагу и произносит важнейшие мысли... Как будто кто-то рассказывает свою жизнь, а когда я вслушиваюсь получше, то получается, что рассказывают обо мне самом. И слова одно за другим идут такие, какие порой и мне на ум приходят. Душевные, ясные слова. Раньше я и не подозревал, что книга имеет такую притягательную силу, что она так мудро говорит о жизни и заставляет всё понимать и переживать. Я подумал: наверное, нет на свете такой цены, чтобы купить эту вещь; должно быть, подобные вещи вообще не продаются. Душа загорелась, и я твёрдо решил: если у книги есть цена и если мне она будет под силу, я обязательно куплю книгу. Только я очень сомневался, что мне, простому пастуху, удастся завладеть таким сокровищем. Рассуждая так, я всю ночь глаз не сомкнул. Лежу, сомнение душу грызёт: вряд ли подобные вещи продаются. И кто такие слова придумал, какой смертный может так подобрать слова одно к другому? Уж не с неба ли она упала?

Утром, как только увидел хозяина, сразу подошёл к нему. Спрашиваю:

— Дорого ли стоит книга, которую здесь читал нам мулла-ага?

— Цены определённой нет, — ответил он, посмеиваясь. — Книга — не женский платок и не мешок с углём. Её нельзя так легко оценить.

— Оцените же. Скажите цену! — просил я.

Хозяин и кто был поблизости переглянулись и опять посмеялись надо мною. Потом хозяин говорит:

— Цена её — верблюд. Хороший верблюд, никак не дешевле.

Может быть, он это в шутку сказал, но я поверил и обрадовался. «Как хорошо, думаю, что такая вещь стоит не дороже одного верблюда». Не колеблясь, я решил отдать свою стельную верблюдицу, на которой приехал в Аркач.

— Если такова цена, — говорю, — берите мою верблюдицу — прекрасная матка, притом стельная, берите, а мне давайте книгу.

Всё с той же усмешкой они говорят:

— Оставляй свою матку, книгу забирай и отправляйся с богом.

И вот взглянул я в последний раз на свою верблюдицу, спрятал под халат книгу и зашагал домой. Три дня шёл, устал. Прихожу, встречает меня моя старуха (Вельмурат-ага по привычке сказал «старуха», хотя жене его в ту пору вряд ли было и двадцать лет). Встречает и с криком бросается ко мне.

— Ай! Где наша верблюдица? Что ты сделал с нею? Потерял её? Или тебя обокрали злые воры-разбойники? Ай, а-ай! Где она? — кричит жена, как безумная, а сама ухватила за воротник, хочет разорвать его, как при большом горе.

— Постой, — говорю ей, — не шуми. Ты радоваться должна, а не плакать. Наша породистая верблюдица дала добрый приплод. Я её обменял на одну вещь. — Тут я вытащил из-за пазухи книгу и показал. — Вот, — говорю, — здесь, под ситцевой обложкой каждое слово стоит породистой верблюдицы. Ты обо всём узнаешь, я расскажу тебе по порядку.

Жена взглянула на книгу, в руки взяла её, приоткрыла, взглянула на листы, потом приложила ко лбу, считая её святой. Потом тяжело вздохнула и долго стояла, не понимая, радоваться ей или плакать. Чувствую, верблюдица у неё не выходит из головы, — ведь эта верблюдица была опорой и надеждой нашего бедного хозяйства.

Вот жена так стоит, задумалась, а я хочу тоску её разогнать, повторяю: не горюй, не тужи, покупку сделали удачную. И рассказал про ту ночь, когда нам читал мулла, и о том, как люди внимали ему, как сам я слушал и не мог усидеть на месте. Припомнил отдельные мысли, какие мне в память врезались навсегда.

— Всё, что передаю тебе, всё это есть в книге, — утешал я жену. — Только, — говорю, я плохой рассказчик, ни одного слова правильно не передал. Не тужи, жена!

Но у ней из ума не выходит верблюдица. Вижу: на глазах слёзы.

— Каждое слово здесь стоит верблюдицы, — снова стараюсь я убедить жену, но ничего у меня не выходит.

Крупные слёзы потекли у неё по щекам.

— Скажи лучше, признайся: попусту отдал верблюдицу. Пропала надежда нашего дома. Тебя обманули, ты принёс домой кучу бумаг. Вот и всё! — плакала жена.

Что делать? Я, конечно, не сдаюсь, перекидываю листочки в книге, опять начинаю уверять.

— Если бы, — говорю, — своим женским умом ты поняла, что тут содержится? Если сейчас подвернулся бы тот мулла, у которого борода лопатой, сразу бы ты позабыла породистую верблюдицу.

Вот горе: книга заключает в себе такие дивные слова, такие песни, а мне пользы нет. Молчит книга, ни звука не скажет, будто нарочно нас с женой дразнит своим безмолвием. Я на книгу уже начал досадовать. Чтобы нутро своё остудить, готов швырнуть её на землю. А она лежит себе на ладони, ни в чём не повинная. Ей нужен грамотный хозяин, а где его возьмёшь у нас в пустыне... Пошёл я в кибитку, ничего не могу сообразить, даже чаю не хочу пить с дороги. Опять вышел. И тут пожалел, что купил книгу. Посоветовали мне сходить к человеку, которого у нас считали первым мудрецом. Пошёл я к тому человеку и ему признался, что у меня есть книга, попросил указать грамотея, который бы прочитал её. Удивлённый, он спросил:

— Каким образом она попала к тебе?

— Купил по дешёвке, — сказал я.

Глядя на меня, он улыбнулся, плечами пожал и с состраданием говорит:

— Ай, неразумный парень! Видно, ты голову потерял. Зачем было брать книгу? Даже если бы даром тебе её отдавали, какая польза от неё, сам посуди? Для книг требуется грамотей, чтобы читал. А где его возьмёшь? Попробуй найди хоть одного на целый аул. И в соседних аулах не сыщешь. Кто же будет твою книгу читать? Подумал ли ты об этом?

Человек говорил сущую правду. Я должен был с ним согласиться. Ну, а чем дальше, тем всё труднее становилось мне. Старуха ворчала день и ночь, чуть со света меня не сжила. Я пошёл ещё кое к кому за советом, в соседних аулах побывал, но грамотного нигде найти не мог. Словно заговор вокруг меня был. Люди мне обычно так говорили: «Ты же пастух,

бедняк из бедняков, а тоже какую себе затею нашёл: книгу! Для чего она тебе?» И я начал сдаваться. Как-то вернулся домой, взял своё сокровище и похоронил на самом дне чувала, а сверху заложил всяким хламом. «Пусть глаза мои не видят тебя, говорю, сердце моё пусть отдохнёт от досады». Так книга и лежала у нас год, два года и пролежала семь лет. Семь лет жена причитала: Ай, какая верблюдица была — породистая! Ай, какая верблюдица была — стельная! Она бы нам три раза приплод дала. Жили бы мы богато, душа бы не болела у нас!»

Без конца жена причитала. Ей-то ни разу не довелось слышать, как читали книгу. Ко всем моим похвалам она оставалась глуха, хотя втайне мечтала выведать получше, что в книге содержится. Потом даже стала мне говорить: «Как бы нам придумать, чтоб книгу свою послушать?»

Один раз сидим с ней, чай пьём, она и говорит:

— Одни только муллы да ишаны грамотные. Они книги читать умеют, значит и другого могут этому научить. Не отдать ли нам своего сыночка Мурат-джана к мулле или ишану? Возле него научится, будет нам книгу читать. Вот Акчи-ишан, говорят, знаниями всех других превосходит. Отдадим ему сына, сами как-нибудь управимся в хозяйстве. Мальчик лет за пять, глядишь, научится грамоте.

Меня обрадовали слова жены. Сам был готов на всё, лишь бы прочитав книгу. Так мы и решили. Взял я мальчишку — ему тогда лет восемь было — и повёл его к Акчи-ишану.

— Из дальних мест прибыл я к вам с нижайшей просьбой, — сказал я Акчи-ишану. — Не возьмётесь ли обучить моего ребёнка грамоте. Пока он при вас будет, то, как полагается, тело его — ваше, кости — мои. Побить надо — побейте, дело сделать надо — заставьте. Только грамоте научите.

Ишан обнадёжил меня.

— Правильно ты поступил, — говорит, — что сына привёл. Кто соль мою вкушал, кто у меня под рукою воспитан, тот пустым человеком не останется. Увидишь, что выйдет из твоего сына, если я возьмусь за него. Четыре года пройдёт, приходи сюда, его не узнаешь.

Поверил я и полетел домой на крыльях. Являюсь к жене. «Не тужи, говорю, жена. Четыре года потерпим, — увидишь, что будет. Близок час, когда ты сама скажешь, ошибся я тогда в покупке или не ошибся».

Вот так оно было, а книга лежала в чувале ещё три с лишним года. Медленно время идёт; стал я думать: наверное, Мурат-джан кое-чему научился. Не терпится, отправился к ишану. И что же я там застал! Сын целый день работает, поручения хозяина и его жены выполняет. Не только грамоте не научился, — диву я дался, как природного ума не лишился мальчик от непосильных трудов. Он увидел меня, со слезами просит-молит:

— Не оставляй меня здесь, отец, забери скорее. Измучил ишан работой, голодом уморил, а грамоте никакой не учит. Сам Акчи-ишан человек тёмный, он понятия не имеет, что такое грамота.

Я рот зажимаю сыну, запрещаю говорить такие слова. Грешно про ишана говорить, что он тёмный. Постыдись, мол, сынок, ты ещё мал, ум у тебя детский. Он стал настаивать со слезами:

— Акчи-ишан, — говорит, — даже талисмана не может написать. Совсем неграмотный. Кто к нему за талисманом приходит, тому он даёт соль, такую же, как у нашей мамы в торбе. Я ничему никогда тут не научусь.

Опять пробую уговорить мальчишку:

— Ты ещё мал, глуп, — говорю, — ты напрасно осуждаешь почтенного человека. Ему весь аул верит, слух о нём далеко разносится как о мудром и многознающем мусульманине. Ты ел три года его хлеб, а теперь говоришь о нём непотребные слова.

Мурат-джан не сдаётся, ещё громче кричит:

— Если не возьмёшь меня с собой, отец, убогу, а здесь не останусь!

Озадачил меня сын. Я совсем расстроился, решил проверить его слова. Заглянул к соседу Акчи-ишан. Так, мол, и так, спрашиваю: как вы полагаете, научит ли ишан моего сына грамоте? Тот, у кого я спрашивал, сосед ишана, простой, скромный был человек. Он

объяснил про ишана всё, что знал. Насчёт грамоты, оказалось, прав был Мурат-джан. Ишан ни читать, ни писать не умел, нигде этому не учился. Но выходило так: хоть и не учён он, а был сильнее многих образованных мулл. Сила Акчи-ишана заключалась в могуществе его рода. Весь аул со страхом произносил имена его предков, никто про них дурно не смел говорить, ибо род ишана владел некоей тайной.

— Однажды сотворилось такое чудо, — рассказывал мне сосед ишана. — Однажды крестьянин украл у деда этого Акчи-ишана, который тоже был ишаном, вязанку сена и понёс сено к себе. Придя домой, он никак не мог оторвать от спины вязанку. Позвали сына, и тот ничего не смог сделать. Горюет, раскаивается вор, потащил сено обратно, чтобы оставить его на том месте, где взял. И там ничего не вышло. Целую ночь с грузом он мыкался по аулу и не знал, как избавиться от несчастья. Пришёл с ношей к нему. «Ишан-ага, я совершил недостойный поступок. Целую ночь я носил свой грех на плечах, душа истерзалась раскаянием. Дайте душе прощение, ишан-ага. Видите, до сих пор ваше сено давит на мои плечи. Снимите его!» Ишан простил вину, послал вора туда, где сено было украдено, и там, по его слову, вор освободелся от вязанки. Неизвестно, кто был тот крестьянин, но все старики знают про случай с сеном и часто рассказывают о нём. То было с предком, а сам Акчи-ишан — тоже колдун. Он действует через соль. Если он на соль подует и наговор совершит, то у бездетных рождаются дети, а больные исцеляются от болезни.

— Услышав всё это, — продолжал Вельмурат-ага, — я долго думать не стал. Мне не требовалось, чтобы Мурат-джан научился дуть на соль. Взял сына от ишана, отдал в подпаски.

Мальчик подрастал, ему платили за работу. В те годы мы бедно жили и в помощи сына нуждались не меньше, чем в грамоте.

Так проходил месяц за месяцем, год за годом. Пыль поднималась над степью и опять ложилась на землю. Весной мы откочёвывали на новые пастбища, осенью снова возвращались в эту долину. А книга всё лежала в чувале. Иногда, тоскуя, я вытаскивал её и без всякой пользы перелистывал страницы. Я садился, как мулла, книгу держал так же, как и он, со всех сторон к ней прикасался, но ничего не выходило. Только жена сильнее страдала от этого. Она переживала давнее своё горе и опять ворчала. «Как бы мы жили богато, если бы тогда не совершили глупости, — твердила она. Мы имели бы целый табун породистых верблюдов».

3

— Но вот наступил светлый день, — продолжал Вельмурат-ага, — в аулы и кочевья пришла советская власть. Явились учителя, принесли с собой книги. В нашем ауле тоже появился учитель. Он оборудовал кибитку под школу, начал собирать детей и взрослых, которые тоже хотели научиться читать. Я так обрадовался учителю, что и сказать нельзя. Думал, его нарочно для меня власть прислала. У нас сперва многие по незнанию сторонились учителя, детей не давали ему, а я с первого дня к нему привязался. Рассказал ему про книгу. Он велел показать её, взял, подержал день-другой и возвратил мне.

— Не прогадал, — говорит, — ты, Вельмурат-ага. У тебя в руках одна из ценнейших туркменских рукописей. Не зря вы с женой мучились из-за неё. Долго она лежала закрытой, теперь немного ждать осталось. Присылайте сына в школу, он научится грамоте, будет читать и писать. У меня он не будет дрова рубить и воду носить, как у ишана, — батрака мне не надо. Ваш мальчик походит в школу положенный срок, потом сядет вот здесь и будет отцу с матерью читать эту книгу. И другие книги найдутся, он вам всё прочитает, а что потребуется написать — напишет.

Так говорил учитель. Я сразу понял, что слова его не праздные. Отправился я в степь отыскивать отары, где Мурат-джан ходил подпаском, нашёл его, объяснил, что хочу снова отдать его к мулле учиться. Выучишься, говорю, прочтёшь нам с матерью драгоценную книгу, которую столько лет мы бережём. Мурат-джан выслушал меня, но домой идти отказался. «Не пойду, говорит, учиться, а муллу с ишаном и видеть больше не хочу. Теперь в городах и аулах, говорит, советская власть. Жена Акчи-ишана больше меня не заставит дрова

рубить и воду ей носить». Опять надо было упрашивать и убеждать мальчишку. Пойми, говорю, что мулла, приехавший к нам, именуется учителем. Он школу в кибитке устроил, многие мальчишки, как ты, и даже взрослые люди ходят к нему каждый день, учатся. Про тебя учитель сам сказал: «Пусть Мурат-джан приходит, он у меня в положенный срок научится грамоте». Учитель — не простой мулла, а из тех, кого новая власть специально посылает, чтобы обучать народ по аулам. Ему батраков не надо, и платы никакой он не берёт за свои знания.

Уговорил я Мурат-джана, привёл его в аул. Слова учителя целиком сбылись. Он лишних обещаний не давал, чудес не творил, наподобие Акчи-ишана, и на соль не дул. Сын наш, никуда не уходя с глаз наших, помогая матери по дому, незаметно выучился читать и писать. К слову сказать, теперь наш Мурат-джан заведует животноводческой фермой в соседнем районе, — добавил Вельмурат-ага.

Так вот, когда сын постиг грамоту, он достал книгу со дна чувала и прочитал её от начала до конца. И я понял, что книги не на небесах пишутся, что по смыслу они доступны для нашего понимания. В книге оказались даже такие песни, какие мы, пастухи, знавали раньше и иной раз сами пели в степи. Большая часть стихов, как видишь, говорит о добре и зле, о человеческой правде, об отваге людей, когда они защищают свою правду, своё счастье. И я ещё понял, что в тот раз мулла с бородой-лопатой, читая книгу, портил её. Он гнусавил и припевал, ломая язык, выговаривал слова совсем не по-туркменски. У него был какой-то арабский, что ли, напев. И оказалось, что покупая книгу, я не понимал даже сотой доли того, что в ней есть. А когда у этого очага книгу прочитал родной сын, не торопясь, по-туркменски, попросту прочитал, то всё раскрылось передо мною по-новому. После этого жене моей и всему аулу стало ясно, что Вельмурат не проиграл, выменяв эту книгу на верблюдицу.

Так я избавился от причитаний жены: «Ай, где наша породистая верблюдица», «Ай, как мы ошиблись!» И соседи перестали шутить над моим неудачным торгом.

— Такова история этой рукописи, — закончил Вельмурат-ага. — Теперь ты видишь, добрый юноша, что пришлось нам вытерпеть из-за книги и каков конец всей истории. Кто же, узнав обо всех переживаниях нашей семьи, осмелится взять из моих рук это сокровище? Не мудрено, что в ауле каждый ругал бы меня и проклинал, если бы я отдал книгу. Вот она вся тут — читай в своё удовольствие, — читай всем, кому она по душе! Но мысль о том, чтобы меня с ней разлучить, оставь навсегда.

4

Время было далеко за полночь, когда мой собеседник закончил рассказ и умолк. Ясно, что, пока старик жив, книгу он не выпустит из своих рук. Дальнейшие уговоры бесполезны. Он не станет и слушать, если я скажу, что в Ашхабаде мы сумели бы размножить эту рукопись, и каждый дехканин у них в ауле мог бы получить такую книгу, что, наконец, взяв теперь у него рукопись, я честно вернул бы её в полной сохранности через два-три месяца. Я понял: говорить всё это старику бесполезно. Никаким уговорами действовать нельзя, когда с книгой столь кровно связана вся его жизнь. Легче будет выпросить у него позволения переписать её.

Мы уже достаточно привыкли друг к другу. Беседа текла непринуждённо. Выбрав удобный момент за чаем, я обратился к нему:

— Вельмурат-ага!

— Слушаю тебя, юноша.

— Не исполните ли вы одной моей просьбы?

— Какие будут просьбы, юноша?

— Если бы вы уступили мне...

— Ай, ай, ай!

Он перебил меня, засмеялся и стал оглаживать бороду обеими руками. Вельмурат-ага не рассердился на сей раз, так как слова мои не принял всерьёз. Он хохотал, довольный собой, смех его был раскатист и громок. Жена подняла голову с той стороны очага, где она уже

улеглась спать, и снова забралась под одеяло. Старику явно льстила моя заинтересованность в книге.

— Нет, не уступлю, дорогой мой друг и гость. Кто такие книги продаёт, тот цены им не знает. Ещё раз скажу: бывают на свете вещи, которые не отдают ни за какую цену.

— Но вам её отдали...

— И проиграли!

Он опять шумно захохотал, по-ребячески радуясь и гордясь своим сокровищем.

— Бывают вещи непродажные, это бесспорно, Вельмурат-ага, — поддержал я его, — но иногда такую вещь можно дать хотя бы на время человеку, которому доверяешь.

Мне хотелось внушить старику мысль, что я он него с пустыми руками не уйду. Мы говорили серьёзно, понимали друг друга вполне, и наконец он сжалился надо мной, сказав:

— Добрый юноша и гость мой! Если ты так полюбил мою книгу, сядь здесь у очага и перепиши её.

После его слов в кибитке воцарилась тишина. И за стенами кибитки было тихо, как бывает перед наступлением утра в пустыне. Угли у наших ног давно потухли, остывала зола. За очагом, забившись под одеяло, спала жена Вельмурат-ага. Я понял, что разговор наш на этом должен закончиться.

— Спасибо вам, Вельмурат-ага, — сказал я. — Завтра с утра я сяду переписывать книгу.

Две недели, не разгибаясь, сидел я у очага Вельмурат-ага и переписывал его драгоценную рукопись. Он и сам почти всё время находился со мною. Иногда диктовал по памяти или просто наблюдал за моей работой.

— Читать я научился, а писать, видимо, так и не придётся мне самому. Поздно спохватился! — часто приговаривал он, пока я писал.

Старуха угощала нас зелёным чаем, чуреком, иногда приносила пенистый хмельной чал [Чал — напиток из верблюжьего молока.]. Мы стали друзьями. Я здесь и жил эти две недели, к председателю почти не заглядывал.

5

Стихотворения, хранившиеся сорок лет у Вельмурат-ага, принадлежат перу знаменитого туркменского поэта. Я привёз их в Ашхабад. Учёные добавили к ним много других, собранных по аулам Туркмении. Скоро выйдет в свет большая книга, полный сборник стихов этого поэта. Я жду с нетерпением выхода книги в свет. Возьму в издательстве десять экземпляров и помчусь к моему старику.

— Недаром, видно, переписали мою книгу, где каждое слово стоит верблюдицы с верблюжонком, — скажет мне старик.

Я, в свою очередь, скажу ему о том, что теперь не один человек и не десять будут читать эту книгу. Весь туркменский народ прочтёт её, а потом переведут её на другие языки, прочтут в Москве, в Ташкенте, на Украине, на Кавказе. Весь советский народ, все культурные люди мира будут владеть драгоценным кладом нашей литературы, рождённым страданиями и мужеством туркмен, их любовью к свободе.

Может быть, старик и сам с ещё большей страстью, с более глубоким пониманием перечитает возвращённую ему книгу. Кто знает, возможно, он сам предложит мне взять старинную рукопись, которую так долго хранил на дне коврового чувала. Чудесная рукопись! Она содержит гениальные произведения, положившие начало туркменской литературе — стихи Махтум-Кули.
